

Жизнь показала, что победила "Кармен"

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Чья идея была собрать в кремлевском концерте, венчающем фестиваль, все виды пластики? Афиши обещают боевые искусства Шаолиня и пляски Ансамбля Александрова, фламенко и брейк-данс?

— Такого соединения, как мне кажется, никто никогда не знал. Это придумал Алексей Ратманский и составил программу из номеров, которые (он знал это наверняка) мне понравятся. Должна признаться, что очень его люблю. Я с ним танцевала, он был последним моим партнером. И нравился мне как артист. Алексей — чуткий человек и всегда знает, зачем он на сцене, понимает все стили, многое сам замечательно танцевал. Он составил программу и выбрал солистов и — пожалуйста. Я абсолютно доверяю Ратманскому, верю ему на слово.

— Где и что вы танцевали с Алексеем Ратманским?

— В Финляндии и Японии мы танцевали прелестный номер "Послеполуденный отдых фавна" на изумительную музыку Дебюсси, который поставил Нижинский. Этот номер, к счастью, сохранился: его везде танцевали и не успели забыть.

— Даже в самые непростые времена, когда ваши спектакли закрывали, вы признавались в любви к Большому театру...

— Всю жизнь ностальгирую по Большому театру. Эта ностальгия была даже тогда, когда я выходила на сцену Большого. Я ее обожала и обожаю и считаю самой лучшей сценой мира. Можете мне поверить, потому что я танцевала почти во всех театрах, всяких и разных, во всех уголках мира. Такой сцены, как сцена Большого, на свете нет.

— Есть у вас кумиры? С кем вы ощущаете историческое родство?

— Не могу сказать, что у меня есть какие-то кумиры, но если говорить о старине, то это Мария Тальони; если о прошлом веке, то Анна Павлова. Вот мы сейчас смотрим старенькую, плохого качества пленку с записью танца Анны Павловой — видно, что она была большой артистка. У других — не видно. Ничего не поделаешь. Настоящее тлен не берет. Остается только великое. Редко и мало что остается, но влияние, стиль, школа остаются.

— Свободное владение школой для вас важных критерий в оценке молодых?

— Больше всего ценю артистизм. Для меня главное — не ногу задать, а быть артистом, слышать музыку и знать, что ты хочешь сказать, понимать свою роль, а не показывать возможности. Это очень ценно, и не только в балете, но и в драме, и в кино.

— Как вы относитесь к балеринам, которые подражают вашему стилю танца?

— Подражателей много. Пускай подражают. Все равно они делают это через себя. Смотрю на это безбедно. Мне нравится то, что сейчас происходит. О современной технике нечего даже говорить. Раньше такой не было. Да и на драматической сцене говорили по-другому, иначе ставили голоса. Время меняется, как и идеалы — они были другие. Но артистичность остается.

— Вы видите ее в артистах Большого театра?

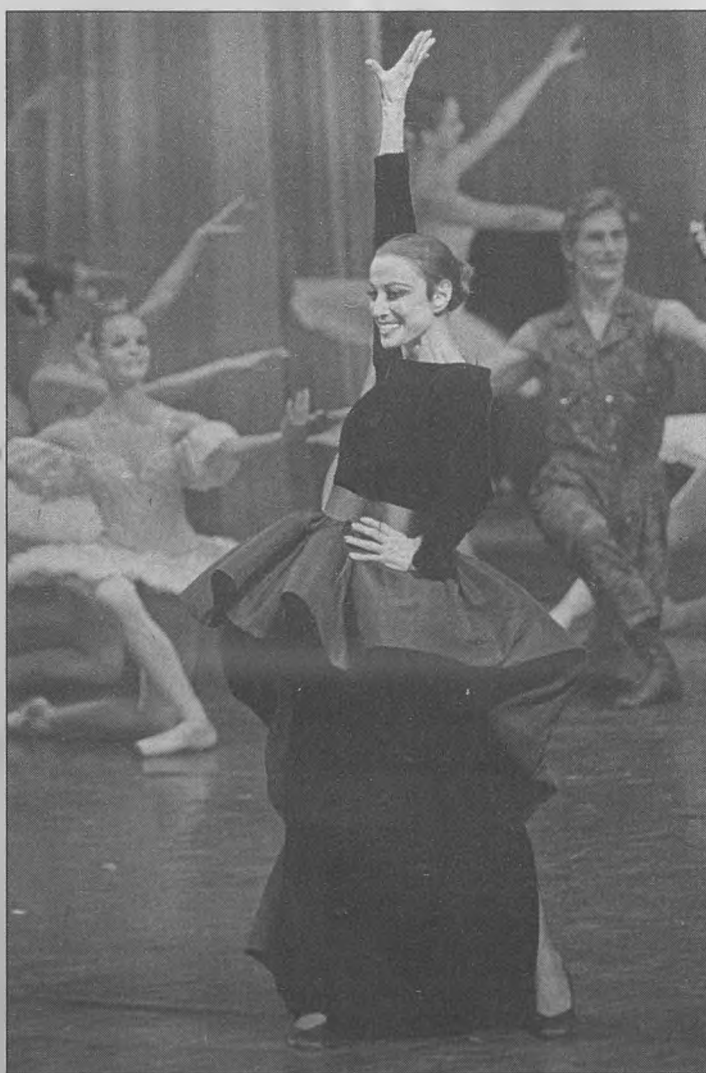
— В Большом театре сейчас очень хорошие балерины и танцовщики. Всех называть не могу, их много, кого-нибудь обязательно обижу. Да и за границей. В Берлине есть Полина Симеонова — изумительная актриса. Об Элле Шлокайте уже говорила.

— А из тех, кто выходил с вами на сцену?

— Иalina Уланова отвечала на мои реплики, и отвечала неожиданно. Это всегда мне было очень интересно. Другие балерины не отвечали.

— Это то самое, что называется импровизацией?

— Она со мной вместе вела игру, диалог, она меня понимала. Мы танцевали вместе в трех спектаклях: "Бахчисарайском фонтане", на сцене и в кино, "Каменном цветке"

М.Плисецкая

и "Жизели". В этих трех спектаклях мы общались на сцене.

— Как вам удается так невероятно молодо выглядеть?

— На этот счет у меня есть собственная байка. Я уже ее рассказывала, могу повторить. В жизни получала много роскошных роз и всегда за ними с любовью ухаживала, считая, что цветы — чудо Божье: подрезала стебли, меняла воду. Ухаживала за цветами в букетах совершенно одинаково, но проходили дни, и розы одна за другой склоняли головки. В конце концов через неделю из всех роз стояла одна. Вот также происходит и с людьми: кто-то завял рано, кто-то держится подольше.

— Принимаете ли участие в репетициях "Кармен-сюиты"?

— Такая маленькая деталь: "Кармен" я могла бы показать, и делала это в Японии и Испании. Но в Большой приехал Альберто Алонсо, автор этого спектакля. Мне нравится идея приглашения Альберто. Это очень правильно. Он создал не менее десяти вариантов этого балета, один не похож на другой. Сегодня он ставит новый, и я не уверена, что могу вмешиваться. К тому же если я буду показывать, то артисты будут невольно мне подражать. В "Кармен" очень важно знать, что означают каждый жест, каждый взгляд, каждая поза. А ноги драть не обязательно. Завтра приглашена на репетицию, посмотрю на новый "первоисточник".

— Какая из балетных ролей вам была ближе?

— Назвать один спектакль не могу. Скорее — все. Те, которые не нравились и не были близки, я не танцевала. Было много интересных спектаклей, и каждый раз, выходя на сцену, чувствовала радость. В первой половине моей жизни огромную роль играл "Дон Кихот" — любила танцевать Китри с разными партнерами, каждый раз испытывала праздник бытия. Позже — "Кармен-сюита", которая для нас была не просто новой, а новейшей хореографией. Настолько непривычной, что ее многие сначала не приняли, уж не говоря о начальстве, которое было просто в панике. И это мягко выражаясь. Вместо второй "Кармен" поставили "Щелкунчик", от греха подальше. За спектакль шла война, и жизнь показала, что победила "Кармен". Когда-то пророчили быс-

трую смерть "Кармен", я же отвечала, что Кармен умрет тогда, когда умру я. И вот теперь я могу умереть, а "Кармен" будет жить. А сколько противников было у "Анны Карениной"! Среди них и драматические актеры: "Что это такое, это ведь Толстой!" А актрисы вообще считали, что Толстой написал Анну только для них, — с таким остротением они протестовали. И вы знаете, хотя доказывать свое право на спектакль стоило нервов, жизни, все равно результат оправдал все. Теперь говорят: "Ну а кто сомневался?"

Когда-то "Кармен" нельзя было вывозить на гастроли, "потому что это не лицо Большого театра". Теперь, по прошествии стольких лет, увидела одну из красивых программ Большого театра в Японии, на обложке — я — Кармен. Значит, все-таки лицо! Правда, давшаяся кровью, пускай не сразу и с трудом, торжествует. В искусстве, во всяком случае.

Согласна с нашим великим писателем, который сказал, что красота спасет мир. Пока люди живут, пока наша планета не взорвана, искусство будет существовать. Что-то устареет, а настоящее останется.

— С кем вы хотели работать, но не получилось? О репертуарных ограничениях советских лет всем известно.

— Танцевала все классические балеты и мечтала о новом, оригинальном, хотела сделать что-то первой. В годы моей молодости думать о новом было совершенно бессмысленно. Даже новых российских хореографов не пускали на сцену Большого театра, уже не говоря об иностранцах. Повезло с Альберто Алонсо, так это ведь — политика. Он — с Кубы, как можно было соориться с Фиделом Кастро? Все остальное было недопустимо. Это, конечно, жалко. Мы ведь знали, что есть Баланчин, Бежар, Лифарь, но их творчество было нам недоступно. Бог оказался ко мне милостив. Появились балеты Щедрина. Мне пришлось их делать самой (это был выход из положения), потому что хореографов не приглашали. Пять балетов на музыку Щедрина я танцевала. Потом, когда стало полетче и новый репертуар возможно стало танцевать в Большом театре, у меня появились номера Бежара и Ролана Пети. Дальше — Качуляну, но это уже почти сейчас. Жаль, что Бежара танцевала не-

множко поздно. Бежар сказал, кстати, итальянской балерине Карле Фраччи: "Если бы я Плисецкую знал на 20 лет раньше, балет был бы другой". Интересно, что бы он тогда подарил? Один из любимых моих бежаровских номеров — "Болеро". Я так сильно ни один балет не хотела танцевать, как "Болеро", и в данном случае мне было все равно, что до меня этот спектакль исполняли уже два десятилетия.

Нечего жалеть о том, что ушло. Все-таки танцевала и "Айседору", и "Болеро", и "Леду", и "Курозуку". Поздно, но что делать. У других и это не состоялось.

— Почему вы не преподаете, ведь ваши знания и опыт бесценны?

— Должна вам сказать, что я это делаю. Во многих странах даю мастер-классы: и в Америке, и в Германии, и в Японии. В Финляндии даже целый фильм сняли о том, как я занимаюсь с молодежью. Так что сказать, что я не помогаю, нельзя.

Конечно, не выворачиваю детям ноги, а показываю им балетные партии и роли. Считаю, что это важнее. Потому что в пятую позицию может поставить всякий педагог. Более или менее правильно. Это не столь важно. Сейчас дорога открыта всем, весь мир хорошо танцует, и танцует неохотные вещи. Как танцуют артисты Мариинского, которые всю жизнь танцевали старую классику и нафталинные балеты, Форсайта! Лучше, чем артисты Форсайта.

Недавно я была председателем жюри балетного конкурса в Японии, где собрались молодые артисты со всего мира. Все время бегала из одного зала в другой, от классики к модерну. И почти все видела. Как интересны корейки, стройненькие, с длинными ногами, фарфоровыми личиками, в свои 18 лет они изумительно танцуют и модерн, и "Лебединое озеро".

Уже больше секретов нет. Как в спорте. Все бегают быстрее, прыгают выше и так далее. Учат одинаково, а результат неодинаковый. И в каждом виде искусства есть кто-то выдающийся.

— В чем секрет вашего тандема с Родионом Константиновичем?

— Любось.

— Вы разные люди или похожи?

— В чем-то разные, в чем-то похожие. К его мнению я всегда прислушиваюсь, и он оказывается прав.

— А у вас бывают когда-то конфликты?

— Нет, не бывает.

— Чем любите заниматься на досуге?

— Интересуюсь вообще жизнью и, конечно, искусством. Всяким искусством: живописью, скульптурой, балетом, драмой, кино. Сейчас очень много читаю. Причем разную литературу, новую и классику, абсолютно бессистемно. Иногда люблю разложить пасьянс.

— Есть ли в человеческой судьбе какая-то доля везения? Или все невероятный труд, напряжение сил и т.д.?

— Конечно, она есть. И она маленькая.

— Какая награда наиболее памятна и дорога вам?

— У меня много наград — и очень престижных, и очень важных. Самая памятная — последняя, испанская премия Принца Астурийского. Эта международная премия очень почетная. Я бы сравнила ее с Нобелевской. И для меня она ценна главным образом тем, что впервые за 25 лет существования этой наградой отметили балет.

— Мой вопрос родился неслучайно. Мне когда-то запомнилась ваша фраза, сказанная при вручении вам французского ордена Почетного легиона. Один из присутствующих на церемонии удивился, сказав, что этой наградой отмечаются только борцы Сопротивления, и вы, не задумываясь, ответили: "Я всю жизнь и сопротивляюсь".

— Так оно и есть.